

**Предсмертные княжеские обращения к детям
в Степенной книге: аксиология рода и государства***

Валентина Мельничук

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

**Princes' Deathbed Addresses to Their Children:
The Axiology of Kinship and State
(with Reference to *The Book of Royal Degrees*)**

Valentina Melnichuk

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

This article discusses princes' deathbed addresses to their children as part of *The Book of Royal Degrees*. In some cases, they are highlighted by a separate heading; in others, they make part of the text describing the last days of the prince. Most often, they are preceded by the news of the prince's illness and impending death, and in some cases, they are compiled in detail, in others – laconically. The analysis of the text demonstrates that addresses are not an obligatory element of the narration and are absent in many Royal Degrees. The stories, including the addresses of the princes, are named differently: message, instruction, blessing, and teaching. They are thematically diverse and include motifs of blessing, instructions to hold on to the Orthodox faith, observe the Gospel commandments, the motif of the transience of life, a reminder of the importance of harmony between heirs, and concern for the homeland. The testament of Yaroslav Vsevolodovich (degree 7) stands out among others. He appeals to his sons to support their sisters who have lost their mother and will soon be deprived of their father. The deathbed words of the princes (in two cases those of princesses), different in plot, are designed to trace back a genealogical connection and emphasise the important

* *Citation*: Melnichuk, V. (2022). Princes' Deathbed Addresses to Their Children: The Axiology of Kinship and State (with Reference to *The Book of Royal Degrees*). In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 4. P. 1450–1462. DOI 10.15826/qr.2022.4.740.

Цитирование: Melnichuk V. Princes' Deathbed Addresses to Their Children: The Axiology of Kinship and State (with Reference to *The Book of Royal Degrees*) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1450–1462. DOI 10.15826/qr.2022.4.740 / Мельничук В. Предсмертные княжеские обращения к детям в Степенной книге: аксиология рода и государства // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 4. С. 1450–1462. DOI 10.15826/qr.2022.4.740.

spiritual and moral heritage transmitted to descendants of Ivan the Terrible. Of particular interest is the will of Dmitry Donskoy composed on the base of the second prince's testament. As a part of the collection, the genre acquires other features that ensure its embedding in one of the motifs implemented in the narrative. Appeals of princes to princesses in deathbed addresses endowing them with special powers testify to the growing role of family ties in creating an ideal sovereign, from the exaltation of the compiler of *The Book of Royal Degrees*.

Keywords: *The Book of Royal Degrees*, 16th-century Russia, deathbed addresses, princes' testaments, genealogy, moral and spiritual heritage, kin

Рассматриваются предсмертные обращения князей к детям в составе Степенной книги царского родословия, некоторые из них выделены отдельными заголовками, другие вписаны в текст, описывающий последние дни князя. Чаще всего они предваряются краткими или пространными известиями о болезни и приближающейся смерти князя. При этом они не являются обязательными элементами повествования и во многих степенях памятника отсутствуют. Рассказы, включающие обращения князей, названы по-разному: заветами, наказами, благословениями, поучениями. Они отличаются тематическим многообразием, среди мотивов благословения выделены наказания хранить православную веру и соблюдать евангельские заповеди, сожаления о быстротечности жизни, напоминания о важности согласия между наследниками, забота о роде и Отечестве. Выделяется среди других завещание Ярослава Всеволодовича, который обращается с просьбой к сыновьям оказать поддержку сестрам, которые остались без матери и в ближайшее время будут лишены отца. Предсмертные слова князей и княгинь были призваны прочертить генеалогическую связь и подчеркнуть важное духовно-нравственное наследие, передаваемое от потомка к потомку Ивана Грозного. Особый случай представляет собой завещание Дмитрия Донского, составленное с использованием второй духовной грамоты князя. Находясь в составе сборника, этот жанр приобретает новые черты. Обращения князей к княгиням в предсмертных словах, наделение их особыми властными полномочиями свидетельствуют о возрастании роли родственных связей в создании идеального государя, об их возвеличивании составителем Степенной книги.

Ключевые слова: Степенная книга, Россия XVI в., княжеские завещания, генеалогия, духовно-нравственное наследие, род

Степенная книга царского родословия – яркий памятник русской историографии XVI в., в котором представлена история России от крещения до времени правления Ивана Грозного. Эта эпоха ознаменовалась появлением «обобщающих» историко-литературных произведений, среди которых Никоновская и Воскресенская летописи, Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Степенная книга явилась «следующим шагом в истории создания обобщающих

трудов» [Сиренов, с. 3]. Русская история XVI в. – время формирования идеологии Русского царства, новой реалии, определившей исторические судьбы России на несколько столетий. В это время страна входила в новый исторический этап своего развития, который был связан с реализацией достижений периода правления Ивана III – ликвидацией феодальных усадеб и зависимости от Орды. Основные идеи, через призму которых митрополиты Макарий и его единомышленник Афанасий, составитель Степенной книги, излагали прошлое своего Отечества, следующие: история страны – это история богоугодных дел ее правителей, единство державы обеспечивается единством царской семьи и законным переходом власти от богоизбранного государя к его потомку, церковь и государство действуют в согласии [Покровский, с. 94–95]. Отбирая из разных источников известия о прямых предках царя Ивана Грозного, книжник стремился представить этих князей главными героями отечественной истории [Сиренов, с. 6].

В тексте Степенной книги царского родословия важной частью описания последних дней жизни князей являются обращения к детям. Заветы, наказания, благословения, поучения – таковы названия этих сюжетов, в некоторых случаях выделенных отдельным заголовком. Предметом отдельного изучения к настоящему времени они не являлись. В целом жанр духовного завещания (духовной грамоты) привлекал внимание исследователей: он изучался в связи с историей деловой письменности, кроме того, рассматривалась литературная традиция жанра [Демкова; Лилиенфельд; Литвина; Панич; Морковина; Понырско].

Предваряющее повествование Степенной книги Житие равноапостольной княгини Ольги включает отдельные рассказы, среди которых следующие: «Поучение блаженныя Ольги» – в нем княгиня убеждает людей обратиться в христианскую веру («О сынове русьстии, послушайте мене, новопросвѣщенную, да разумно будетъ вамъ... Сего ради молю вы, вѣруите сущему Богу, Его же азъ познахъ, к Сему приступите и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся» [Степенная книга, т. 1, с. 169]¹); «Бесѣдование къ сыну блаженныя Ольги», описывающее переговоры с сыном, противящимся призыву княгини принять православие; «Завѣтъ къ сыну блаженныя Ольги преже преставления ея», содержащий распоряжение о погребении. В древнейших летописях и разных редакциях жития княгини известие, содержащее ее завет, краткое и включает запрет совершать тризну: «...заповѣдала Ольга не творите тризны над собою» [ПСРЛ, т. 1, стб. 68]². По сравнению с источником – древней редакцией севернорусских списков

¹ Далее ссылки на Степенную книгу даются в круглых скобках по этому изданию с указанием тома и страницы. В качестве основного взят Чудовский список (первая половина 1560-х гг.), для различения привлечены Волковский (первая половина 1560-х гг.), Томский (первая половина 1560-х гг.), Думинский (1594), Эрмитажный (1590-е гг.), Пискаревский (начало – первая четверть XVII в.) списки. Описание см. подробнее: [Покровский, Журавель, Сиренов, с. 6–23].

² При воспроизведении текста издания выносные литеры даем обычным шрифтом, не выделяя специально.

пролога (т. 3, с. 19) – в Степенной книге рассказ более подробный, эмоциональный и составлен от первого лица. Он заключает в себе категоричное отрицание языческого погребения в кургане: «Могилы же надо мною да не дерзнет никто же сыпати, ни тризны творити» (т. 1, с. 175). Книжник стремился подчеркнуть решимость княгини Ольги в отстаивании христианства.

Призывы к хранению православной веры, исполнению евангельских заповедей, нравственные сентенции пронизывают повествование первой степени, посвященной великому равноапостольному князю Владимиру. В тексте помещено «Поучение» князя, обращенное к детям, названное книжником благословением, наказом, поучением³:

Прежде же всего заповѣда имъ страхъ Божии имѣти и вѣру православную непорочно дръжати, злославныя же дохматы до конца отвращати, болши же всего на всѣхъ Царя и Бога вседушно имѣти надежду, и Тому Единому поклоняться, и Того славити... (т. 1, с. 305).

В этой степени приводятся рассуждения о том, что не только сам креститель Руси, но и его потомки отличаются высокими добродетелями, «обаче святии суть». В этой связи важными становятся наказания, заветы князей своим детям.

В степени 2, посвященной князю Ярославу Мудрому, в главе «Преставление великаго князя Ярослава» сказано о его болезни и распределении им городов между сыновьями. Особенностью наказа князя является наличие в нем, кроме духовных наставлений, мотива заботы об Отечестве: «И наказавъ ихъ в любви пребывати, и Божии страхъ имѣти, и отечество дръжавства в мирѣ и въ благочестии исправляти» (т. 1, с. 384). Этим оно отличается, например, от обращения князя к детям в составе Лаврентьевского свода, где дополнительно прочитывается мотив о солидарности между наследниками: «И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити» [ПСРЛ, т. 1, стб. 161].

Продолжая повествование в третьей степени, посвященной князю Всеволоду Ярославичу, книжник ведет «лествицу» самодержцев не через старшего сына Ярослава Мудрого Изяслава, а через Всеволода, поскольку именно к нему восходит «род князей росто-судальских, следовательно, и московских» [Покровский, 89]. Акцентированию этой линии способствует мотив отцовского благословения, прослеживаемый в описании последних дней Всеволода Ярославича:

Его же благословляя отецъ его Ярославъ и, пророчествуя, глаголаше: «О, сыну мои възлюбленный! Благо тебѣ, яко стяжалъ еси получитьи отъ Бога даръ смиренумудриа и кротости! Благо же и мнѣ, яко ты еси чадо мое, покои старости моеи, яко же слышу и вижу добрая твоя дѣла, о нихъ же радуюся, ихъ же ради и люблю тя паче братиа твоя. И дасть ти

³ «Благословение дая имъ и любочадное о Христѣ целование, вкупе же наказуя и поучая ихъ».

Господь Богъ наслѣднику быти скипетродрѣжания моего, аще и послѣди брата твоея примеши начальство дрѣжавы, но обаче кромѣ неправды и враждебнаго насилуванія. Егда же преведеть тя Богъ от житія сего, и да будеть тѣло твое въ гробѣ погребено у моего гроба, да и по смърти неразлучни будевѣ». И все, еже прорече великий князь Ярославъ, и вся тако збышася (т. 1, с. 387).

В повествовании Степенной книги последние слова князя Ярослава Владимировича упоминаются дважды: в посвященной ему степени их содержание передано кратко и является частью описания его последних дней, а в степени, где главным князем является его сын Всеволод, они приводятся в большем объеме. В них содержатся отцовское благословение, похвала сыну, передана любовь и теплые родительские чувства, которые испытывает князь, прощаясь с сыном, выражена надежда, что он будет наследником скипетродержания. Подчеркивание особой отцовской близости к сыну, возможно, также не случайно и направлено на сглаживание противоречий между поколениями и убеждение в возвеличивании родственных связей.

Мотив благословения встречается в нескольких сюжетах. Например, благословение отцом сына упоминается в рассказе о Владимире Мономахе (степень 4):

Внегда бо христоролюбивому отцю его Всеволоду Ярославичю, зѣлно изнемогающу, уже при смърти, и тогда призва к себѣ отъ Чернигова сего блатороднѣишаго си сына Владимира Манамаха и дарова ему благословение, къ Богу отъиде (т. 1, с. 403).

Фрагмент, в составе которого князь Ярослав Всеволодович (степень 7) обращается к детям, имеет заголовок «Благословение чадомъ, б сыновомъ». О милости, мире и благословении от Бога говорит перед смертью Иван Данилович Калита, обращаясь к сыну Ивану через старейшину града именем Протасия (степень 10): «Оставляю же възлюбленному своему сынови великому князю Иванну милость, миръ, и благословение отъ Бога, и сѣмени его до вѣка» (т. 1, с. 563).

Благословение от Бога чрезвычайно важно, поскольку, согласно воззрениям московского правительства, только государь наследственный, который получает свои полномочия от Бога и по праву рождения, мог быть государем истинно самодержавным [Дьяконов, с. 158].

В повествовании Степенной книги зафиксировано благословение великим князем всея Руси Василием Ивановичем сына Ивана, будущего царя Ивана Грозного (степень 16). Князь благословил сына, «възлагаа на него крестъ златъ», которым великий чудотворец митрополит Петр благословил «прародителя» великого князя Ивана Даниловича и «всѣхъ иже отъ чреслъ его великихъ князей всея Русии, и до насъ» (т. 2, с. 324); благословил также «Владимировымъ Манамашимъ честнымъ крестомъ отъ самого Животворящаго Древа, на немъ же

нашего ради спасения вольное распятие претерпѣ Христос Богъ нашъ» (т. 2, с. 324). Князь завещал сыну царствовать, «благочестно управляя скипетрокрестоносныя хоругви всего Русьскаго царства, извѣчнаго нашего отечества» (там же, с. 325).

К числу повторяющихся мотивов в завещаниях князей можно отнести также наказ хранить православную веру. Кроме Жития великой равноапостольной княгини Ольги, сюжетов в степенях, посвященных святому равноапостольному князю Владимиру, великому князю Ярославу Мудрому, они прослеживаются в значительном по объему наказе детям княгини Марии Всеволожи, жены Всеволода Большое Гнездо (степень 6), который имеет заголовок «О благодарномъ тѣрпѣнии великиа княгини Марии Всеволожи и о монастыри ея». Рассказ о ней начинается с описания последних лет ее жизни, когда она страдала тяжким недугом. Отмечая терпение, с которым она переносила болезнь, книжник сравнивает ее с многострадальным Иовом. Чувствуя приближение смерти, княгиня обратилась к сыновьям с наказом духовного характера, аналогичным тому, что содержался в «Поучении блаженныа Ольги», обращенном ко всем людям:

И сыны своя призывая к себѣ и, наказуя их, глаголаше: «Възлюбленная моя чяда! Се азъ, яко видите мя велми болѣзнующа, помалѣ же и отъиду свѣта сего маловременнаго къ отцемъ своимъ. И вы убо, дондеже пребудете в суетнѣмъ семъ житии, пръвие же имѣите вѣру и любовь къ Богу и къ Пречистѣи Его Матери истиннѣи Богородици (т. 1, с. 457).

В данном пассаже, как и в Поучении Ярослава Мудрого, повторяются формулы заботы об Отечестве:

Аще ли же в ненависти и в распряхъ, и в которахъ будете межю собою, то сами погибнете и благословенное наслѣдие дръжаву отечества вашего изгубите, юже праотцы ваши, и отецъ вашъ, и прочее сродство ваше многимъ трудомъ и потомъ приобрѣтоша (там же, с. 457–458).

Прощальные слова княгини, выделяющей среди детей старшего сына Константина («Старѣишаго же вашего брата Коньстантина имѣите яко отца и главу» – т. 1, с. 458), не коррелируются с распоряжениями мужа княгини Всеволода Большое Гнездо, помещенными в этой же степени и отличающимися краткостью по сравнению с прощальными словами жены Марии. Князь доверяет братьев сыну Георгию: «Всеволодъ же Георгию, сыну своему, поручи не токмо дръжаву Владимирьскую, но и прочая чяда своя» (т. 1, с. 459–460). Комментарий книжника прочерчивает иную, важную для Степенной книги линию наследования власти – от отца Всеволода Большое Гнездо к сыну Ярославу: «Божии же Промыслъ паче всѣхъ сихъ благоволи быти четвертому его сыну Ярославу в роды и роды непремѣнну и доброплодну наслѣднику дръжавы Русьския» (т. 1, с. 460).

Генеалогическую линию продолжает князь Ярослав Всеволодович. Ему посвящена степень 7. Описание жизни князя заканчивается завещанием князя, в котором обращение к детям с составлено с использованием эпитетов, создающих индивидуальные образы князей: Александр назван «храбрым и мудрым», Андрей – «споспешным», Константин – «удалым», Даниил – «милым», Михаил – «добротным»:

О, возлюбленнии мои сынове, плодъ чрева моего, храбрыи и мудрыи Александре, и споспѣшный Андрею, и Константине удалый, и Ярославе, и милыи Данилѣ, и добротный Михаиле! Будите благочестию истиннии поборници и величеству дръжавы Русьския Богомъ утверженнии настольници. Божиа же благодать и милость и благословение на васъ да умножится в роды и роды и въ вѣкы (т. 1, с. 488).

Текст завещания передает отцовские переживания князя, беспокоящегося о судьбе дочерей:

Азь уже к тому не имамъ видѣти васъ, ни в земли Суждальстѣи быти, уже бо сила моя изнеможе, и житиа кончина приближися. Вы же не презрите двоихъ ми дщерии Евдокии и Улианы, сестрѣ вашихъ, иже баше имъ настоящее сие время горчаиши желчи и пельни, понеже матере оставше, нынѣ же и мене, отца, лишени суть (там же).

Кроме завещания князя Ярослава Всеволодовича («Благословение чадомъ, 6 сыновомъ»), центрального героя степени 7, в этой же степени помещены «Завѣтъ и наказание» его брата великого князя Константина Всеволодовича Ростовского. В нем присутствуют мотивы бренности земного жития, Страшного суда:

Пребысть же въ Владимири мнѣ двою лѣтъ, и видѣвъ себе изнемогающа, и призва сыны своя Василка и Всеволода, и вся велможи и боляре своя, и прочая чиновники, и глагола к нимъ сице: «Внимаите себѣ, о чада и друзи! Се бо вся суетная мира сего мимо текутъ. Всякъ родися з болѣзнию, и възрасте с печалию, и помалѣ сѣдина, та же и старость, наипаче же и смерть, и по смръти Страшный Судъ Христовъ и въздаяние комуждо по дѣломъ его: грѣшникомъ – мука вѣчная, а праведникомъ – раи и жизнь бесконечная. И се убо в настоящемъ семъ суетномъ житии вси челоуѣци отъ юности и до старости, даждь и до самыя смръти, яко трудный путь шествуютъ и яко въ снѣ начинаются и скончеваются» (т. 1, с. 490).

Завещание Ивана III «О завѣте сыновомъ и о преставлении великаго князя Ивана» (степень 15) содержит лишь указания о распределении городов между сыновьями:

...великии князь Иванъ Васильевичъ, всея Русии самодержець, благороднымъ си сыновомъ завѣтъ написа, имъ же съ благословениемъ грады и власти дръжавы своеа дарова наслѣдие государства ихъ, коемуждо

по достоянию во свои ему жребии участия. Всѣхъ же сыновъ родиша-ся ему 6. Первый сынъ – великий князь Иванъ, рекомыи Младыи, иже до отча преставления за 16 лѣтъ отъиде къ Богу. Второй же сынъ – богодарованный наслѣдникъ дръжавы царствия его, христоролюбивыи великий князь Василии, государь и самодръжець всея Руси. Третий сынъ – князь Георгии Дмитровьскый. Четвертый сынъ – князь Дмитрии Угльчьскый. Пятый сынъ – князь Семионъ Колужьскый. Шестый сынъ – князь Адрѣи Старицьскый. Прочая же вся добръ разряди (т. 2, с. 280–281).

Отдельного внимания заслуживает предсмертное обращение князей к княгиням. В степени 12 помещен «Завѣтъ великаго князя Димитрия великою его княгинѣ, и чадомъ, и боляромъ». Он основан на документе и составлен с использованием отрывка из второй духовной грамоты князя, самого объемного из всех текстов завещаний московских князей XIV в. [Кучкин, с. 123].

Повествование о жизни Дмитрия Ивановича Донского в Степенной книге соответствует плану, сходному с житиями макарьевского времени: повествование о жизни князя, похвала и чудо о свече, возгоревшейся у его гроба [Усачев, с. 388–389].

Обзор списков «Слова о Житии» в составе летописных сводов показал, что текст постоянно менялся под рукой летописца. При этом составители сводов оставляли нетронутым текст, повествующий о последних наставлениях в разделе имений между сыновьями [Салмина, с. 89]. В духовной грамоте обращение князя к княгине имеет лаконичный вид: «А приказываю дѣти свои своеи княгинѣ. А вы, дѣти мои, живите заодин, а м(а)т(е)ре своее слушайте во всем» [Духовные и договорные грамоты, с. 33]. Распоряжение передается дважды, в одном из заключительных разделов грамоты еще раз повторяется положение начала завещания:

А вы, дѣти мои, слушайте свое м(а)т(е)ри во всем, изъ ее воли не выступаитеся ни в чем. А который с(ы)н мои не имет слушати свое м(а)т(е)ри, а будет не въ ее воли, на том не будет моего бл(а)г(о)с(ло)в(е)нья [Там же, с. 36].

Великая княгиня наделялась полномочиями, каких не имела, как отмечает исследователь Кучкин, мать Дмитрия Ивановича Донского Александра. Евдокия Дмитриевна во второй духовной грамоте наделена правами гаранта выполнения воли завещателя. В тексте прослеживается явное стремление завещателя оградить материальную и правовую независимость супруги. Она получала права верховного суда в своих владениях, при этом бояре мужа, которые ей служили, не должны были терпеть утеснений со стороны сыновей. Такие распоряжения последнего завещательного акта Дмитрия Ивановича можно назвать исключительными, поскольку они не имели аналогов в духовных грамотах предшественников [Кучкин, с. 125, 180].

В Степенной книге текст обращения князя к княгине распространен за счет уточнения, как именно должны быть воспитаны дети:

Ты же, драгая моя великая княгиня, буди чадомъ своимъ отецъ и мати, наказующи ихъ и укрѣпляющи, и все по заповедемъ Господнимъ послушливымъ и покоривымъ бытии и страхъ Божии дръжати въ сердци своемъ во вся дни живота своего (т. 2, с. 59).

Эмоциональность, авторитетность текста обеспечиваются цитатами из Священного Писания: «Еже чтите родителя своя, да благо вы будет» (Втор. 5 : 16), «Клятва отча дом чадом разрушит, а материно воздыхание до конца искоренит» (Екк. 3 : 9); «Влагайте словеса моя в сердца ваша» (Притч. 3 : 1).

Большую часть духовной грамоты князя Дмитрия Ивановича, использованной при составлении Степенной книги, составляют указания о распределении земель, тогда как в Степенной книге они заключают главу, содержащую завет князя. При этом в одном из пассажей сделано существенное добавление: фраза «Призвав же первѣе большаго сына своего князя Василиа, и старѣишинства путь поручи ему, и великое княжение предасть в руцѣ его» содержит добавление «еже есть настолование отца его, и дѣда, и прадѣда» (т. 2, с. 60), подчеркивающее генеалогическую преемственность князей, ведущих к Ивану IV.

В Степенной книге сохранилось обращение перед смертью к сыновьям великого князя Василиа Ивановича, самодержца всея Руси (степень 16). В этой же главе сказано о том, что правление Русским царством поручается княгине совместно с сыном Иваном, будущим царем. В то время ему было три года и три месяца (т. 2, с. 325). Княгиня характеризуется с помощью высоких эпитетов: «Ведяше еа боголюбиву, и милостиву, и правдиву, мудру же и мужествену, и сердце еа всякого царскаго разума исплѣнено» (там же). Излагая сюжет о передаче Василием III опеки над детьми и всей полноты власти княгине Елене, составитель Степенной книги следует за версией московских книжников. Она сохранилась в Воскресенской, Никоновской летописях. В Софийской сказано о том, что князь не смог передать свой наказ из-за плача: «И хотѣ ей наказывати о житьѣ ея, но въ еѣ кричанѣ не успѣ ни единого слова наказати» [ПСРЛ, т. 6, с. 273].

Согласно другим источникам, роль вдовы князя была довольно скромной. Так, анализ косвенных признаков позволяет обосновать гипотезу об особых полномочиях, данных душеприказчикам князя [Кром, с. 31–82].

В архитектонике памятника особое место занимают жизнеописание княгинь. Обращает на себя внимание сам факт привлечения женских биографий в повествовании, призванном прославить московскую монархию. В Житии великой княгини Ольги подчеркивается ее сотериологическая роль, связанная с мотивом ее молитвенного заступничества, сопоставимым с идеей Покрова Богородицы. Называя

княгиню «богонасажденной благорасленной лозой», книжник ставит ей в заслугу рождение и воспитание «великаго князя Свѣтослава, отца равноапостольнаго Владимира, царя Рускаго» (т. 1, с. 193), возвращенное ею «многоплодное древо благочестия – святаго внука... и царя, великаго князя Владимира» (там же, с. 184). С великой равноапостольной княгини Ольги начинается лестница – «черета россиискихъ начялодержецъ и сѣмени их». Ключевой мотив, который прослеживается как в Житии княгини Ольги, так и в жизнеописаниях княгинь, – мотив матери, воспитавшей одного из благочестивых потомков великого равноапостольного князя Владимира [Мельничук, с. 85]. В заветах великого князя Дмитрия Ивановича Донского и Василия III этот мотив нашел свое развитие.

Прощальные предсмертные слова князей (в двух примерах – княгинь), обращенные к детям, включены во многие грани Степенной книги. Они предваряются указаниями на болезнь и приближающуюся смерть. Исключением можно считать наказ детям великого равноапостольного князя Владимира, который помещен во фрагмент, описывающий последние дни его жизни. Княжеские обращения заключают мотивы благословения (это могли быть княжеские благословения либо желаемые благословения Бога); наказы хранить православную веру, соблюдать евангельские заповеди; мотив бренности всего земного; напоминание о важности согласия между наследниками и заботы об Отечестве; распоряжения о распределении городов между наследниками. Часть из них повторяются, варьируясь деталями. Лишь упоминается завет князя Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского чудотворца, обращенный к княгине и детям (степень 9): «И призва княгиню свою и дѣти своя и завеща имъ в любви пребывати, и въ единствѣ мирнѣ, и в совокуплении богоугоднѣ» (т. 1, с. 554). Выделяется среди других наказов обращение Ярослава Всеволодовича (степень 7), в котором он просит сыновей не оставлять сестер, оставшихся без матери. Обращения князей к детям содержат библейские образы и цитаты, функция которых – «авторитетное основание» [Гардзанити, с. 7] рассуждений князей, кроме того – панегирические пассажи, призванные подчеркнуть достоинства очередного предка Ивана Грозного. Это сближает их с известиями и рассказами летописных сводов, описывающими последние дни князей [Конявская]⁴.

Завещание великого князя Дмитрия Ивановича Донского показывает, как древнерусский жанр духовного завещания (грамоты) в процессе бытования терял из повествовательной канвы часть фактов, приобретал другие, меняя свою концепцию. Новые черты, обеспечившие его входжение в повествовательное пространство, разнородные части которого объединены авторской концепцией, делали его фактом литературы. Ю. Н. Тынянов писал о том, что «существуют

⁴ Выражаю благодарность профессору Е. Л. Конявской за конструктивные замечания о работе.

явления стиля, которые приводят к *лицу* автора», что они подсказывают «какие–то неуловимые и вместе конкретные черты рассказчика» [Тынянов, с. 268]. Подчеркивание роли княгинь, не является, по-видимому, случайным, но указывает на большое значение, которое придает книжник не только преемственности между поколениями, но и в целом родственным связям. По воззрениям московского правительствa, государь своей родословной честью мог повысить честь своего государства [Дьяконов, с. 158].

Роль завещаний в повествовании Степенной книги – установление генеалогической связи, прочтение нравственного наследия, передаваемого от поколения к поколению, прорисовывание перспективы бессмертия рода.

Список литературы

- Гардзанти М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М. : Индрик, 2014. 232 с.
- Демкова Н. С.* Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 342–356.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 597 с.
- Дьяконов М.* Власть московских государей : Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 221 с.
- Коняевская Е. Л.* Тема конца жизни в летописях // Воропаев В. А., Дергачева И. В., Коняевская Е. Л., Мильков В. В. Танатологическая тема в русской словесности XI–XXI вв. М. : Индрик, 2021. С. 163–207.
- Кром М. М.* «Вдовствующее царство» : Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 872 с.
- Кучкин В. А.* Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М. : Индрик, 2001. С. 106–184.
- Лиценфельд Ф. О.* О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Наука, 1962. Т. 18. С. 80–98.
- Литвина А. Ф.* Жанр автобиографической прамбулы: «Поучение» Владимира Мономаха как духовная грамота // Славяноведение. 2004. № 4. С. 2–28.
- Мельничук В. А.* Жизнеописание княгинь в архитектонике Степенной книги // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 2. С. 84–93. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-84-93.
- Морковина О. В.* Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск : [Б. и.], 2005. 36 с.
- Панич Т. В.* Древнерусские духовные завещания XV–XVII вв. в агнографическом повествовании // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 34–37.
- Покровский Н. Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М. : Языки славян. культур, 2007. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–IX. С. 89–119.
- Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Сиренов А. В.* Археографическое предисловие // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М. : Языки славян. культур, 2007. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. С. 6–23.
- Поньрко Н. В.* Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. : Наука, 1985. Т. 39. С. 379–388.

ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1. Вып. 1. Повесть временных лет; Вып. 2. Суздальская летопись; Вып. 3. Приложения. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1926–1928.

ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб. : Тип. Э. Праца, 1853. 364 с.

Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Наука, 1970. Т. 25. С. 81–105.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2010. 552 с.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии : в 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М. : Языки славян. культуры, 2007.

Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 255–270.

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2009. 760 с.

References

Demkova, N. S. (1999). *Dukhovnaya gramota volokolamskogo knizhnika XVI v. Evfimiya Turkova* [Spiritual Testament of the Volokolamsk Writer of the 16th Century Evfimiya Turkov]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 51, pp. 342–356.

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv. [Spiritual Testaments and Agreements of the Great and Regional Princes of the 14th–16th Centuries]. (1950). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 597 p.

D'yakovon, M. (1889). *Vlast' moskovskikh gosudarei. Ocherki iz istorii politicheskikh idei Drevnei Rusi do kontsa XVI veka* [The Power of Moscow Sovereigns. Essays from the History of Political Ideas of Ancient Russia until the Late 16th Century]. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. 221 p.

Gardzaniti, M. (2014). *Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavianskoi knizhnosti* [Biblical Quotation in Church Slavonic Literature]. Moscow, Indrik. 232 p.

Konyavskaya, E. L. (2021). Tema kontsa zhizni v letopisyakh [The Topic of the End of Life in Chronicles]. In Voropaev, V. A., Dergacheva, I. V., Konyavskaya, E. L., Mil'kov, V. V. *Tanatologicheskaya tema v russkoi slovesnosti XI–XXI vv.* Moscow, Indrik, pp. 163–207.

Krom, M. M. (2010). “*Vdovstvuyushchee tsarstvo*”. *Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [“Dowager Kingdom”. The Political Crisis in Russia in the 1530s–1540s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 872 p.

Kuchkin, V. A. (2001). *Poslednee zaveshchanie Dmitriya Donskogo* [The Last Testament of Dmitry Donskoy]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, Indrik, pp. 106–184.

Lilienfeld, F. O. (1962). *O literaturnom zhanre nekotorykh sochinenii Nila Sorskogo* [On the Literary Genre of Some of Nil Sorsky's Works]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 18, pp. 80–98.

Litvina, A. F. (2004). *Zhanr avtobiograficheskoi preambuly: “Pouchenie” Vladimira Monomakha kak dukhovnaya gramota* [Genre of Autobiographical Preamble: Vladimir Monomakh's “Teaching” as a Testament]. In *Slavyanovedenie*. No. 4, pp. 2–28.

Mel'nichuk, V. A. (2021). *Zhizneopisaniya knyagin' v arkhitektonike Stepennoi knigi* [Biographies of Princesses in *The Book of Royal Degrees*]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 20. No. 2, pp. 84–93. DOI 10.25205/1818–7919–2021–20–2–84–93.

Morkovina, O. V. (2005). *Problema vzaimootnosheniya literatury i delovoi pis'mennosti v traditsii drevnerusskogo zaveshchaniya* [The Problem of the Relationship between Literature and Business Writing in the Tradition of the Ancient Russian Testament]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, S. n. 36 p.

Panich, T. V. (2013). *Drevnerusskie dukhovnye zaveshchaniya XV–XVII vv. v agiograficheskom povestvovanii* [Old Russian Spiritual Testaments of the 15th–17th Centuries in the Angiographic Narrative]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 34–37.

Pokrovskii, N. N. (2007). Istoricheskie kontseptsii Stepennoi knigi tsarskogo rodosloviya [Historical Concepts of *The Book of Royal Degrees*]. In Pokrovskii, N. N., Lenhoff, G. (Eds.). *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam. Teksty i kommentarii v 3 t.* Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 1. Zhitie svyatoi knyagini Ol'gi. Stepni I–X, pp. 89–119.

Pokrovskii, N. N., Lenhoff, G. (Eds.). (2007). *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam. Teksty i kommentarii v 3 t.* [The Book of Royal Degrees according to Ancient Copies. Texts and Comments. 3 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Pokrovskii, N. N., Zhuravel', O. D., Sirenov, A. V. (2007). Arkheograficheskoe predislovie [Archaeographic Preface]. In Pokrovskii, N. N., Lenhoff, G. (Eds.). *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam. Teksty i kommentarii v 3 t.* Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. Vol. 1. Zhitie svyatoi knyagini Ol'gi. Stepni I–X, pp. 6–23.

Ponyrko, N. V. (1985). Zhitie protopopa Avvakuma kak dukhovnoe zaveshchanie [The Life of Archpriest Avvakum as a Spiritual Testament]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, Nauka. Vol. 39, pp. 379–388.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1853). Vol. 6. Sofiiskie letopisi. Sofiiskie letopisi. St Petersburg, Tipografiya E. Pratsa. 364 p.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1926–1928). 2nd Ed. Iss. 1. Povest' vremennykh let; Iss. 2. Suzdal'skaya letopis'; Iss. 3. Prilozheniya. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Salmina, M. A. (1970). "Slovo o zhitii i o prestavlenii velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha, tsarya Rus'skago" ["A Word about the Life and Death of the Great Prince Dmitry Ivanovich, Tsar of Russia"]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 25, pp. 81–105.

Sirenov, A. V. (2010). *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv.* [The Book of Royal Degrees and Russian Historical Ideas of the 16th–18th Centuries]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 552 p.

Tynyanov, Yu. N. (1977). Literaturnyi fakt [Literary Fact]. In Tynyanov, Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moscow, Nauka, pp. 255–270.

Usachev, A. S. (2009). *Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya* [The Book of Royal Degrees and the Old Russian Literature in the Time of Metropolitan Makarii]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 760 p.

The article was submitted on 14.02.2022